

Ань Но в очередной раз увидел на лице Мо Ханя это сложное переплетение гнева и разочарования. Он вытянулся в струнку, замер по стойке смирно — прямо и неподвижно, как на плацу во время муштры.

Он глубоко уважал Мо Ханя. Прежде он, не задумываясь, отдал бы все силы, чтобы исполнить любой его приказ, но сегодня многое изменилось. Изменилось и его собственное мироощущение. Прошлый Ань Но не знал страха, потому что ему нечего было терять; теперь же его жизнь была неразрывно связана с другим человеком. В самом сокровенном уголке его души поселился упрямый мальчишка — хрупкий и тонкий с виду, но ставший для Ань Но самым стержнем его воли. Только благодаря ему он мог теперь спокойно и бесстрашно встречать любые бури.

И потому сейчас он был обязан защитить этот образ.

— Начальник Мо, — твердо произнес Ань Но. — Если говорить о долге, то в любой ситуации я обязан прежде всего защищать жизнь и безопасность граждан. Если же говорить о личном... это человек, которого я люблю.

Мо Хань застыл, точно глыба льда — холодный, безмолвный и непреклонный. Этот человек за всю свою жизнь не знал слова «компромисс». Кем бы ни был его собеседник, дисциплина оставалась дисциплиной, а принципы — принципами. Торг здесь был неуместен.

— Начальник Мо, я не собираюсь оправдываться. Нарушение дисциплины есть нарушение дисциплины. Ошибка совершена, и я готов понести за нее ответственность. Я признаю вину! Но Бай Ичэнь не имеет к этому делу никакого отношения. Я не хочу втягивать его в эту грязь...

Мо Хань холодно усмехнулся:

— Ань Но, тебе не кажется, что сейчас говорить об этом поздно? Ты всерьез думаешь, что он все еще может остаться в стороне?

— Я знаю, что поздно! — Ань Но сжал кулаки. — Поэтому я и хочу все исправить.

Все началось с его собственного внезапного чувства, и именно его уступки привели к тому, что ситуация стала непоправимой. Он не мог повернуть время вспять, но мог попытаться уберечь любимого.

— Исправить? Как? Если Лю Бо смог три года следить за Чжэн Жуем, чтобы контролировать Хань Цзыфэя, то он вцепится мертвой хваткой и в Бай Ичэня! Ты думаешь, сможешь его спрятать? Или хочешь разыграть «мнимую смерть», как Цинь Сяо? Ты же не собираешься выложить ему всю правду? И еще — как ты объяснишь, откуда Бай Ичэнь узнал подробности

той ночи? Если он не замешан, откуда у него такая осведомленность?

Мо Хань в ярости смотрел на Ань Но, чувствуя, что этот человек окончательно вышел из-под его контроля.

— Не могу объяснить, — признал Ань Но. — Но... у меня есть идея. Она еще сырая и очень рискованная, но это единственный способ выбраться из нынешнего тупика и докопаться до истины. Не знаю, согласитесь ли вы...

Ань Но замолчал, ожидая реакции. Ему было жизненно необходимо одобрение начальника.

— Нет!

— Послушайте, начальник! — в голосе Ань Но смешались обида и тревога. — Я же еще ничего не сказал! Вы хоть выслушайте, прежде чем отвергать.

— Нечего тут слушать. От тебя ничего путного не дождешься, одни безумные затеи! Какой бы план ты ни выдумал — я на него не согласен!

— Начальник Мо?

Мо Хань помолчал несколько секунд, и в его глазах вдруг вспыхнул яростный блеск. Веко дернулось, выдавая крайнее напряжение.

— Ань Но... — его голос зазвучал низко и угрожающе. — Ты тут распинался, разыгрывал передо мной спектакль во всех жанрах — и всё ради одной этой фразы, верно?

— Нет...

— Ань Но! — в этом окрике прозвучало последнее предупреждение.

— Так точно! — выдохнул тот.

Мо Хань глубоко вдохнул. Значит, парень так долго изливал душу лишь для того, чтобы вынудить его, начальника, разрешить оставить Бай Ичэня при себе. Лично охранять его, не спуская глаз. Ань Но не доверял никому — даже ему, Мо Ханю!

— Это необходимо?

— Простите, начальник, — Ань Но с трудом подбирал слова. — Но я действительно не могу больше никому верить. Наверное, я слишком долго был под прикрытием... я подсознательно

подозреваю всех. Пока мы не вычистим крыс в управлении, каждый под подозрением. Даже сам Бай Ичэнь... он кажется подозрительным. Я до сих пор не понял, как Ли Цзяньцзэ узнал, что мы вместе. Поэтому... куда бы я его ни отправил, мне будет неспокойно. Он должен быть у меня на виду.

— И что ты задумал?

Ань Но выпрямился еще сильнее, чуть вздернув подбородок, словно зачитывал рапорт:

— Мы позволим событиям идти своим чередом. Плыдем по течению!

Бай Ичэнь, вцепившись в лямки своего рюкзака, ошарашенно уставился на Ли Цзяньцзэ:

— Сколько... сколько миллионов?

— Ну, точную сумму я не знаю, но точно не меньше пяти!

— Но... но ты же говорил, что эти деньги забрал Хань Цзыфэй?

— Ой, А-Бай! Ну какой же ты наивный. Думаешь, в наркобизнесе всё по справедливости? Хань Цзыфэй-то их взял, но конвоировал его Ань Но! Сейчас Хань лежит в больнице ни жив ни мертв, деньги у полиции, и как ты думаешь, с кого они спросят? С Ань Но, конечно! Не в управление же им идти за своими миллионами!

Ли Цзяньцзэ схватил со стола стакан, залпом допил молочный чай и продолжил:

— И дело тут даже не в деньгах. Они видят в Ань Но ценного кадра, они хотят его использовать. Долг — это просто предлог, чтобы втянуть его обратно. А твой Ань Но, похоже, и сам не прочь влезть в это болото. Я не заметил, чтобы он сильно сопротивлялся...

Бай Ичэнь окончательно замолк. Это был тупик.

Попрощавшись с Ли Цзяньцзэ, он медленно побрел домой. Мимо проносились машины, прохожие спешили к своим семьям, и на фоне этой суеты его шаги казались мучительно тяжелыми. Маленькая двухкомнатная квартира Ань Но когда-то была для него самым теплым и безопасным местом на свете. Он даже начал представлять свой будущий дом по ее подобию. Но теперь там было пусто...

Бай Ичэнь толкнул дверь. В квартире было зябко. Тусклый свет уличных фонарей падал на пол

гостиной. Там, у дивана, когда-то была его самая уютная постель. Сейчас в комнатах царила пугающая тишина, и лишь мерное тиканье часов заставляло сердце сжиматься от холода.

Вернется ли Ань Но?

Бай Ичэнь чувствовал, как его захлестывает запоздалое раскаяние.

Только сейчас до него дошло: Ань Но не просто перевозил наркотики. На нем была кровь... он убил полицейского! За такое платят жизнью. Ань Но может никогда не вернуться... Раньше Ичэнь думал о тюрьме, о сроке, надеялся, что за перевозку и сопротивление не казнят. Но теперь...

Он опустился на пол и свернулся калачиком. Если бы только можно было повернуть время вспять! Он никогда бы не пошел в полицию. О чем он только думал, принимая такое глупое решение? Кто-то ведь говорил: «Сколько бы лет ни прошло, я буду ждать тебя». А чего ждать? Выдержит ли любовь такое испытание? Зачем обрекать себя на долгое, ледяное одиночество до самой старости?

Если Ань Но не вернется...

Бай Ичэнь зарыдал. Он плакал громко, не сдерживаясь, выплескивая всю горечь, раскаяние и ненависть к самому себе. Если бы он знал, что всё так обернется, он бы не думал ни о каком «завтра», ни о каком «будущем». Он бы дорожил каждой секундой рядом с Ань Но. Тогда у него остались бы хотя бы счастливые воспоминания. А что у него есть сейчас? Та страшная ночь и один поцелуй?

Больше ничего.

Они даже не успели по-настоящему принадлежать друг другу.

«Я приготовился ждать, — думал Бай Ичэнь. — А оказалось, что мне суждено...»

Потерять его. Окончательно и бесповоротно.

Ань Но покинул управление на следующее утро. Всю ночь он провел с Мо Ханем, обсуждая и оттачивая свой план. Это была внезапная вспышка озарения, посетившая его после того, как Бай Ичэнь узнал правду. Безумная, почти невозможная идея, у которой был лишь зыбкий контур. Ему нужны были помощники.

Глубокой ночью Мо Хань вызвал Юй Дая. Глядя на заспанного, вялого эксперта, старик

наконец нашел, на ком сорвать накопившееся за ночь раздражение. Распекать Ань Но у него не поднялась рука, а вот всыпать «маленькому карасю» было святым делом. Оскорбленный «маленький карась», получив нагоняй ни за что, злобно уставился на Ань Но и как бы между прочим бросил:

— Я опоздал не по своей вине! Этот твой Бай Ичэнь был вчера с самого вечера. Орал так, что я до самого выхода глаз сомкнуть не мог!

Сердце Ань Но болезненно сжалось.

Мальчик все-таки плакал. Плакал всю ночь в пустой квартире, и некому было его утешить. Он был напуган, одинок и беспомощен. Ань Но чувствовал, что с самого момента их встречи он только и делал, что оставался в долгу перед этим ребенком. И он не знал, хватит ли ему всей оставшейся жизни, чтобы искупить эту вину.

Даже самый идеальный план — это лишь замок на песке. Ань Но снова и снова прокручивал его в голове, пытаясь отыскать хоть малейшую трещину, хоть одну лазейку. В своей жизни он совершил немало ошибок, но в этот раз ошибиться было нельзя.

От управления до дома было недалеко. Даже неспешным шагом можно было дойти за час. Оказавшись перед дверью подъезда, Ань Но вдруг помедлил. Ему стало страшно. Он не знал, как смотреть в глаза Бай Ичэню, как объяснять весь этот хаос. Хуже всего было то, что он боялся: стоит ему увидеть Ичэня, и он бросит всё, схватит его в охапку и сбежит на край света...

Когда Ань Но открыл дверь квартиры, ему показалось, что дома никого нет. Двери во все комнаты были распахнуты, внутри стояла мертвая, ледяная тишина.

Он миновал прихожую и замер. Бай Ичэнь лежал на полу возле дивана. У Ань Но перехватило дыхание. В два прыжка он оказался рядом и подхватил хрупкое тело на руки.

— Бай Ичэнь!

— Ань... — Ичэнь с трудом приоткрыл опухшие от слез глаза. Мир перед ним вращался, но он сумел разглядеть лицо.

— Брат Ань! — он медленно поднял руки и обхватил Ань Но за шею, прижимаясь мокрой от слез щекой к его коже.

— Брат Ань... не уходи, — прошептал он, всем телом лянсь к нему. Его ледяные пальцы скользнули под воротник Ань Но. Кожа там была гладкой и горячей, и это тепло дарило покой. Он оттянул ворот куртки, прижался губами к шее, медленно провел кончиком языка, чувствуя пульсацию живой, горячей крови.

— Брат Ань... не уходи! — бормотал он, не вполне осознавая свои действия. Промерзший за ночь до костей, он искал тепла любой ценой. Ань Но был для него тем самым костром, который мог согреть и высушить его слезы.

— Сяо Бай? — мысли в голове Ань Но разлетелись в прах. Все планы, все заготовки были забыты. Он чувствовал, как сам начинает гореть.

— Не уходи!

Мир вокруг окончательно поплыл. Яркое утреннее солнце заливало гостиную, мягкий ворс ковра и ткань дивана казались бесконечно уютными в этом холодном воздухе. Двое молодых людей, охваченные пламенем, сплелись воедино. Одежда летела на пол — движения были поспешными, почти грубыми. Застежка куртки оцарапала кожу, оставив красный след, но эта легкая боль лишь подстегнула Бай Ичэня. Он почти срывал рубашку с Ань Но, стремясь прижаться к нему каждой клеточкой своего тела.

Их губы слились в бесконечном поцелуе. Длинные ноги переплелись, одежда путалась в локтях и на лодыжках, мешая, но не в силах остановить их. Бай Ичэнь почти не видел ничего из-за опухших век, но он кожей чувствовал то яростное пламя, что полыхало в глазах Ань Но. Это тепло передавалось ему, и казалось, что душа вот-вот покинет тело.

Ань Но сжимал его в объятиях так, словно держал в руках самую надежду, всё свое будущее. Его одинокое, оледеневшее сердце наконец-то начало оживать. За весь этот долгий год это был самый лучший человек и самый прекрасный момент.

Бай Ичэнь в смятении вцепился в волосы Ань Но. Пустота и страх грызли его изнутри: ему казалось, что этот человек может исчезнуть в любую секунду, и он обязан удержать его. Он выгнулся навстречу, стараясь буквально врасти в грудь Ань Но, найти там свое убежище.

— Не бойся, — глухо выдохнул Ань Но.

— Брат Ань, — тихо позвал Бай Ичэнь. Он отдавал себя без остатка, не думая о том, что будет завтра. Пусть это случится лишь раз, но это должно было произойти.

Ань Но смотрел на спину Ичэня — там еще виднелись следы не затянувшихся ран, похожие на шрамы, оставленные самой болью прожитых лет.

— Не бойся, — прошептал он ему на ухо. Он не хотел пугать его, только защитить, дать ему покой, чтобы тот мог безмятежно свернуться клубочком в его руках.

Бай Ичэнь ловил ртом воздух, не в силах вымолвить ни слова. Ань Но снова накрыл его губы своими. Поцелуй был теплым, но дрожь, бывшая Ичэня, выдавала его страх. Ань Но нежно коснулся его губ, а затем его язык уверенно скользнул между зубов, сплетаясь с языком

Ичэня.

Бай Ичэнь закрыл глаза. Все чувства, кроме осязания, отключились. Он не видел и не слышал ничего, доверив себя рукам и губам Ань Но. Со смесью робости и щемящей тоски он сжал кулаки, ожидая того самого мгновения.

Его голос сорвался на прерывистые, бессвязные звуки — смесь экстаза, жара и невыразимого возбуждения. Он сминал пальцами ткань на диване, закусывал ее, пытаясь заглушить стоны, в которых радость мешалась с болью, а страсть — с каким-то отчаянным упоением. Наверное, он и сам не смог бы объяснить, что чувствует в этот миг.

Он выгнул спину — тонкую, хрупкую, словно мостик, перекинутый через бездну. Одним движением он пересек все запретные границы и шагнул в будущее Ань Но.

На самом деле боли почти не было — или он просто не успел ее почувствовать. Губы и язык Ань Но ласкали его спину, бережно стирая напряжение и тревогу, а его руки нежно гладили живот, унимая любой страх.

Наполненность, довольство, ритм счастья, биение жизни!

Бай Ичэнь с трудом повернул голову, глядя в глаза Ань Но. В их глубине они оба нашли отражение искренней, пылающей любви.

Ань Но прижался к Ичэню, снова и снова глядя его влажную от пота кожу. Он был абсолютно счастлив. Он верил, что это и есть истинный покой — обладать всем, что тебе дорого.

Дыхание Бай Ичэня никак не могло выровняться, он часто и тяжело дышал. В голове было пусто, но на душе — странно спокойно. С тех пор как он потерял семью, он каждый день искал именно это чувство. Это называлось «безопасность».

Ему очень хотелось спросить Ань Но: может ли он с этого дня надеяться на другую жизнь? Жизнь, в которой будут тишина и счастье, покой и довольство. Где не нужно много денег, роскошных домов и машин. Где достаточно двоих в маленькой квартире с большим окном, за которым всегда светит солнце...

Бай Ичэнь медленно открыл глаза и посмотрел на Ань Но. Тот не был писанным красавцем, но его лицо светилось такой заботой и нежностью, что сердце замирало. Его большие руки, привыкшие к дубинкам и оружию, сейчас ласкали его спину с невероятной мягкостью.

Ичэнь внезапно вздрогнул. Когда первая буря эмоций улеглась, он вспомнил всё: и начало этой истории, и вчерашние события, и то, как этот человек безжалостно разрушил все его планы на будущее.

И всё же... он не жалел.

Даже так — он ни о чем не жалел!

Ань Но крепче обнял его, глядя, как он то открывает, то закрывает глаза. На лице Ичэня промелькнуло выражение какой-то отчаянной решимости, почти граничащей с безнадеей. Это кольнуло Ань Но в самое сердце. Он хотел что-то сказать, слова уже были на кончике языка, но он промолчал.

«Раз уж ждали так долго, подождем еще немного».

Ань Но понимал, что его жизнь принадлежит не только Бай Ичэню, но и кокарде на его фуражке. Он не мог ничего обещать прямо сейчас. Единственное, что было в его силах — это крепко прижать к себе любимого человека, поцеловать его в макушку и передать всю свою любовь без слов. Сказать ему: «Я люблю тебя, и это на всю жизнь. Верь мне, всё наладится».

Утомленные до предела, они уснули в объятиях друг друга, унося с собой свои тайны, свою нежность и свою печаль. Оставалось только надеяться, что в их снах не будет места интригам, предательствам и свисту пуль. Только прохладный ветерок и теплое солнце.

Ань Но верил: это не просто мечта. Всё обязательно сбудется. Нужно только стиснуть зубы и выстоять. Путь впереди труден, но он обязан пройти его осторожно, ведь на кону стоит счастье их обоих.

<http://bllate.org/book/18167/1779272>